

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ

ПѢСНЬ
РОССІЙСКОМУ СЛОВУ.

Сочинилъ и читалъ
въ Императорской Россійской Академіи
Членъ оныя
Князь Сергій Шихматовъ,
По случаю принятія его въ Члены оной Академіи.

Въ Санктпетербургѣ,
Печатано въ Императорской Типографіи,
1809 года.

ImWerdenVerlag
München 2005

Ширинский-Шихматов, Сергей Александрович

(князь, в иночестве Аникита, брат П. А. Ш.-Ш., 1783—1837) — академик Императорской академии наук, иеромонах новгородского Юрьевского монастыря и писатель-поэт. Воспитанник морского кадетского корпуса, сотрудник с 1800 г. ученого комитета при адмиралтейств-коллегии и потом инспектор Царскосельского лицея, Ш.-Шихматов в 1827 г. оставил службу, а в следующем принял монашество, под именем Аникиты, в Юрьевском монастыре, где был в то время архимандритом известный Фотий. В 1834 г. он отправился в путешествие в Иерусалим и во время его через три года скончался в Афинах. Ш.-Шихматов со дня открытия пресловутой шишковской «Беседы любителей русского слова» принимал деятельное участие в ее трудах. Ему принадлежат: «Опыт о критике», сочинение Попа, перевод с английского (1806); «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия» (1807); «Песнь российскому слову» (1809); «Ночь на гробах», подражание Юнгу (1812); «Песнь сотворившему все» (1817) и «Иисус в Ветхом и Новом Заветах, или Ночь у креста» (1824). Стихотворения его пользовались благоволением императора Александра I, пожаловавшего ему в 1812 г. за литературную деятельность пожизненную пенсию в 1500 рублей. Переписка Ш.-Шихматова с братом Платоном Александровичем (1781—1844) и «Дневник путешествия» изданы Жмакиным в «Христианском Чтении» за 1889—1890 гг.

В. Р—в.

Восхвалимъ Вѣчнаго отъ вѣка и до вѣка,
Который, одаривъ таинственнымъ умомъ,
И словомъ чувственнымъ ущедрилъ человека;
Органъ премудрости устроилъ въ немъ самомъ,
И тѣмъ запечатлѣлъ душевны совершенства.
Благословень и ты, безцѣнный слова даръ!
Тобою славимъ мы Создателя блаженства,
И можемъ изливать предъ Нимъ сердечный жаръ,
И можемъ возвѣщать внимающей вселенной
Непостижимого, Царя твореній всѣхъ:
Тобою, въ жизни сей, привременной и плѣнной,
Вкушаемъ множество невиннѣйшихъ утѣхъ.
Тобой питаются науки и искусства,
Цвѣтутъ, красуются, и украшаютъ свѣтъ;
Являя ближнему всѣ наши мысли, чувства,
И тайный гласъ души, и разума совѣтъ,
Тобою мы растимъ и множимъ добродѣтель,
Сугубимъ, кажется, и наше бытіе.
Но нѣтъ, небесный даръ, небесныхъ благъ содѣтель!
Превыше всѣхъ похвалъ достоинство твое,
И сладостны какъ жизнь плоды твои драгія,
Словеснымъ существамъ въ подсолнечныхъ странахъ
Тебя чествуетъ міръ, чествуетъ и Россія,
И зрить съ *веселіемъ* твой блескъ въ ея сынахъ;
Тебя прославила *ея* ЕКАТЕРИНА,
Владычица сердець на Сѣверѣ земли,
Великому ПЕТРУ совмѣстница едина,
Которой подвиги Россію возвели
На верхъ величія, на тронъ всемирной власти;
Немолчнымъ сотворивъ Россійской славы звукъ,
Она желая вновь славнѣйшей Россамъ части,
Отверзла имъ стези въ святилища наукъ,
Наполнила умы негибнущимъ богатствомъ,

Воздвигла наконецъ и сей священный Храмъ,
Гдѣ польза мудрости объемлетъ съ пріятствомъ,
Гдѣ Слово Росскому курится ѳиміамъ,
Гдѣ зрится въ торжествѣ, гордящійся собою,
Народа Роскаго божественный языкъ;
И нынѣ АЛЕКСАНДРЪ, Россіи Просвѣтитель,
Наукамъ зиждущій блаженство и покой,
Святилища сего высокій Покровитель,
Его пріосѣнилъ державною рукой,
Въ сей храмъ вступаю я — но робкою стопою;
Срѣтая сонмъ витій, и пѣснопѣвцевъ ликъ,
Которыхъ стройный гласъ вливаетъ въ души сладость,
И чувствуя въ себѣ незрѣлость лѣтъ и думъ,
Вкушаю съ трепетомъ живительную радость;
Стыдится самъ себя, смущается мой умъ.

О вы, ревнители Россійскаго языка,
Отверзиіе мнѣ дверь святилища сего,
Признательность моя превыше словъ велика,
Безсиленъ я явить огонь сердца моего!
Позвольте мнѣ воспѣть — и тѣмъ хвалитесь сами,
Соотчицей драгихъ священны имена,
Которыхъ вѣчными въ витійствѣ чудесами
Россія стала вновь почтенна и славна;
Которые, весь міръ ея исполнивъ слухомъ,
Сплетаютъ ей вѣнецъ свѣшлѣйшій всѣхъ побѣдъ,
Которыхъ подвигамъ ревнуете вы духомъ,
И быстрымъ ихъ умамъ стремитесь во слѣдъ.

Едва, пронзая мракъ, коснулись свыше Россовъ
Божественныхъ наукъ восточные лучи,
Воздвигся и возсталъ великій Ломоносовъ,
Блистающъ какъ луна въ мерцающей ночи.
Возсталъ, одушевилъ свою златую лиру,
До неба воспарилъ, и грянулъ какъ перунъ,
И жизнь и чувства далъ безчувственному міру;
Восторгъ въ умы людей посыпался со струнъ;
Россію онъ воспѣлъ, воспѣлъ ЕЛИСАВЕТУ,
Воспѣлъ и самъ себя и звукъ его хвалы
Раздался по всему дивящемуся свѣту;
Воскликнули земля и вѣтры и валы,

На гласъ его стеклись звѣрей пустынныхъ роды,
Рифеи процвѣли, взыграли холмы, лѣсъ,
И пѣсню его прельщаяся народы,
Мечтали, что Орфей на Сѣверѣ воскресъ.
Красуйся самъ собой, мудрецъ, пѣвецъ, витія!
Сокровище утѣхъ! обиліе отрадъ!
Тобой предъ царствами красуется Россія,
Какъ первенцемъ своихъ пророчесственныхъ чадъ.
Когда, восторженный восторгами Давида,
Во струнахъ хвалишь ты вселенныя Творца,
Являешь смертнымъ лучъ Божественнаго вида,
Духъ Божій на тебѣ; пылаютъ въ насъ сердца.
Когда ты съ Россами бѣжишь съ весельемъ многимъ,
Какъ грозный исполинъ войной карать міры,
Ступаешь по горамъ и по вершинамъ строгимъ,
Трепещутъ и рушатся кремнистые бугры,
Вьешь воздухъ вихрями, и бурей за собою,
Въ пыли лежатъ *льса*, природу зыблетъ страхъ;
Алкиду равень ты средъ огненнаго бою,
Гдѣ съ прахомъ кровь кипитъ, дымится съ кровью прахъ;
Гдѣ смерть изъ строя въ строй бѣжитъ между полками,
Зіяя челюстями насытыми ничѣмъ,
И духъ отъ тѣла рветъ желѣзными руками,
И вержетъ тысящи перуномъ и мечемъ.
Или, оставивъ брань, любуясь тишиною,
О счастіи ея твой мирный гласъ звучитъ,
И сынъ оружія, дышающій войною,
Роняетъ острый мечъ, роняетъ твердый щитъ.
Пріемлешь ли ты кисть списать воздушны споры:
Се буря понеслась съ Атлантской высоты,
Искореняетъ лѣсъ, и раздираетъ горы,
Одѣла свѣтлый день въ ночныя темноты;
На бездны налегла — неистовствуютъ бездны,
Дождю на встрѣчу дождь летитъ съ кипящихъ волнь,
Перунами грозы воюютъ своды звѣздны,
И весь пространный міръ смятенья зрится полнь.
Когда же ты звенишь на гусяхъ среброзвучныхъ
Веселіе души, чистѣйшую любовь,
И полкъ ея утѣхъ, красою златолучныхъ,

Вливаешь въ хладную, ветшающую кровь
Небесный, сладостный, животворящій пламень,
Лобзаясь горлицы являютъ нѣжну страсть,
Объемлются древа, и таетъ твердый камень,
Надъ всей природою любовь приѣмлетъ власть.
Когда ты пѣлъ хвалу великія Царицы,
Коль живо начерталъ величіе Ея!
Намѣстница Творца! краснѣйшая денницы!
Которой тихій зракъ — прекраснѣе рая;
И кроткая душа — кротчайшая зефира;
Природы радостной причина торжества!
Краса вѣнчанныхъ главъ! и светлый Ангелъ мира!
Подобіе ПЕТРА! и образъ Божества!

Такъ часто преходя отъ грозныхъ мыслей къ мирнымъ,
Являешься во всемъ единственъ и великъ;
Ты разумъ веселишь и учишь гласомъ лирнымъ,
И въ Россахъ первый ты воздѣлалъ нашъ языкъ.
Но лиру отложивъ, въ избыткѣ дара многомъ,
Ты новою стезей снискалъ безсмертну честь;
Ты Цицероновъ лавръ стяжалъ немѣрнымъ слогомъ,
Сей лавръ отъ рода въ родъ красуясь будетъ цвѣсть
Россію удививъ и цѣлый свѣтъ собою,
Любви къ отечеству неся сердечну дань,
Ты возгласилъ ПЕТРА военною трубою;
Виргилій и Омиръ къ тебѣ простерли длань;
Ты Россамъ воскрешалъ ПЕТРОВЫ дни златыя,
ПЕТРОВЫ подвиги, ПЕТРОВЫ чудесса,
Уже къ твоимъ словамъ склонила слухъ Россія,
Внимала имъ земля, внимали небеса,
Но вдругъ, на полѣ семъ, прекрасномъ и широкомъ,
По коему ты въ храмъ ПЕТРОВОЙ славы текъ,
Увы! завистливымъ, недоброхотнымъ рокомъ,
Преторгся навсегда твой славный Россамъ вѣкъ;
Но гласъ твой не умолкъ. — Всевышнему Владыкѣ,
Которому ты пѣлъ, витая на земли,
Сподобился воспѣть въ гремящемъ горнемъ ликѣ.

И ты, своимъ трудамъ, безлестный стихъ внемли,
Мальгерба-Пиндара совмѣстникъ современный!
Изрядствами души ущедренный съ небесь;
Боримой истинны поборникъ неизмѣнный!
Ревнитель дѣлъ благихъ и мужъ благихъ словесь!
Обильный разумомъ и сладостью витійской,
Изъ Россовъ первый ты дерзнулъ въ Софокловъ путь,
Потекъ — и сталъ отцемъ трагедіи Россійской;
Чтобъ добродѣтели родъ смертныхъ повинуть,
Героевъ древности воззвалъ изъ мрака гроба;
И се на зрѣлицѣ, внимая оныхъ гласъ,
Живится правота, трепещеть, гибнетъ злоба;
Жалѣніе и страхъ вселяя быстро въ насъ,
Ты знаешь силой ихъ потрясть сердца желѣзны;
Присвоивъ зрителей предлогу своему,
Изводишь изъ очей пріятны капли слезны;
Пріятнѣйшую дань таланту твоему.
Или влечешь въ позоръ коварные пороки,
И кажешь зрителямъ ихъ вредъ и срамъ и студи,
Увеселяя насъ читаешь намъ уроки,
И надъ развратами свершаешь строгіи суды,
Иль сердцемъ возлюбя пастушескіе нравы,
Стремишься къ пажитямъ, долинамъ и лѣсамъ,
Творишь насъ чувствовать невинности забавы,
И кажется тогда пастушествуешь самъ;
Въ еклогахъ ты явилъ со всею лѣпотою
Издревѣ славныя, златыя времена,
Искусство сочеталъ съ любезной простотою,
И слогомъ ихъ одѣлъ цвѣтущимъ какъ весна.
Или, уединясь съ елегіей плачевной,
Рыдаешь на гробахъ и стонешь отъ души,
Оплакиваешь тамъ удары смерти гневной,
Стучащейся равно въ дворцы и въ шалаши.
Или чтобъ умудрить надменнаго невѣжду,
И правдой вразумить вельможей и царей,
Ты правду нарядилъ въ приманчиву одежду,
Въ одежду вымысла — и словомъ птицъ, звѣрей,
Совѣты разума даешь тебѣ подобнымъ.

Но мнѣ ли всѣ твои достоинства исчезеть,
И восхвалить тебя хвалениемъ подробнымъ?
Тебѣ Россія вся даетъ достойну честь,
Хвалу тебѣ плетутъ Европа и потомки,
И въ семь святилищѣ гремятъ, гремятъ еще
Безсмертной сей хвалы безсмертны звуки громки;
Мой гласъ не слышенъ въ нихъ, и пѣснь моя вотще:
Здѣсь славу обновилъ твою въ несчетны роды
Споспѣшникъ оныя, и чтитель твой и другъ;
Вознесшись какъ орелъ въ свои преклонны годы,
Тебя и самъ себя съ тобой прославилъ вдругъ.
Свѣтися въ вѣчности, свѣтися, Сумароковъ!
Зане ты мудростью умъ смертныхъ освѣтилъ.

Благословенъ и ты, нещадный бичъ пороковъ,
Прекрасная заря прекраснѣйшихъ свѣтилъ,
Щитъ добродѣтели, и честности учитель.
Правдивый Кантемиръ! другъ праведныхъ сердець,
Противникъ всѣхъ лукавствъ, и острый обличитель,
Безуміямъ людскимъ смѣющійся мудрецъ,
Смѣешься имъ въ стихахъ, но въ сердцѣ плачешь слезно:
Ты совѣсть испытавъ берешься за перо,
И обществу твое писаніе любезно,
Для злобныхъ мнится зло, для добрыхъ же добро.
Подобяся пчелѣ имѣешь медъ и жало.
Не изъ тщеславія, но ближняго любя,
Ты нравы злыхъ людей, представивъ имъ зеркало,
На смотрѣ подробнѣйшій выводилъ предъ себя,
И тутъ пятнаешь ихъ, пятнаешь неотстудно;
Вѣнчаешься вѣнцемъ невиннѣйшихъ побѣдъ:
Отъ мѣткихъ стрѣлъ твоихъ укрыться злобѣ трудно,
Во внутренность души, онѣ находятъ слѣдъ.
Такъ срамомъ ты покрылъ Невѣжество и Чванство
Болтливость глупую, нахально Хвастовство,
Лжесвятость, Зависть, Лесть, и мерзостное Пьянство,
И Скупость скарядну, и буйно Мотовство.
Но въ васъ, предъ прочими, отцы семействъ почтенны!
Да чтится Кантемиръ; — онъ щедро предалъ вамъ
Испытнаго ума богатства несочтенны:
Послѣдуйте его премудрѣйшимъ словамъ,

И зрите чадъ своихъ благословенныхъ Богомъ
О ты, Россійскихъ странъ Горацій, Буало,
Ты вѣчно будешь новъ, хоть пишешь старымъ слогомъ;
Ликуеть Истинна, и ясное чело
При имени твоёмъ подьметъ къ небу смѣло.
Но что? какой трубы я слышу стройный шумъ?
Какое новое витійство возгремѣло?
Какое пѣніе въ восторгъ приводитъ умъ?
Къ живѣйшимъ радостямъ тобою возбужденной,
Тебя стремлюся пѣть, пѣвецъ Казанскихъ дѣлъ,
И пакибытія Россіи возрожденной!
Ты дару своему всю тварь пріялъ въ удѣлъ,
И храмъ ему воздвигъ во вѣкъ неразоримый:
Отважной мыслию, быстрѣе чемъ Зефиръ,
Обтекъ и облетѣлъ незримый міръ и зримый;
И разуму людей представилъ сладкій пиръ
Къ побѣдамъ по бѣдамъ ведя своихъ героевъ,
Во всемъ величіи явилъ ихъ доблій духъ;
И звуками войны, и громомъ ратныхъ строевъ,
Наполнивъ, устрасивъ трепещущій нашъ слухъ,
Вѣнчался лаврами и славой безконечной;
Творилъ и созидалъ несчетны чудеса,
Дерзнулъ во мрачный адъ и въ бездну казни вѣчной,
Оттолкъ воспаривъ проникнулъ въ небеса,
Открылъ сокровища небеснаго чертога,
И тамъ очистилась какъ огонь твоя душа.
Созвучно повторивъ глаголы вѣчны Бога,
И пламенной къ нему любовію дыша,
Высоки таинства таинственнѣйшей вѣры,
Ты сердцу чистому представить ясно могъ,
Верховной святости представить могъ примѣры,
И тѣмъ себѣ создалъ безсмертія залогъ.
Чему касаешься златымъ своимъ искусствомъ,
Творится златомъ все, и блещетъ красотой,
Пріемлетъ стройный видъ, живится жизни чувствомъ,
И смертнаго ведетъ ко благодати святой.
Я зрю, какъ Іоаннъ, однимъ злодѣямъ грозной,
Воставъ отъ ложа нѣгъ, поправъ коварну лествъ,
Неся въ десницѣ смерть для гидры смертоносной,

За подданныхъ своихъ подвинулся на мечь:
Сотрудники его, Россіи всей опоры,
Горящи мужествомъ, отечества сыны,
За вѣру, за царя на смерть готовы, скоры,
Летять, летять сломить рогъ вражеской страны.
Вотще подземный ковъ умножилъ имъ напасти;
Вотще враждуютъ имъ Зима и Зной и Брань,
Падеть со трескомъ въ прахъ престоль Ордынской власти,
Россія въ торжествѣ, разрушилась Казань.
Я зрю Владимира: сей Россовъ обновитель,
Достойный по дѣламъ державы и вѣнца,
Еще блуждающій, еще кумировъ чтитель
Достоинъ видится познанія Творца.
Россію разширивъ, исполнивъ благоденства,
Позналъ въ себѣ и въ ней невѣденія тьму;
Стремится съ жаждою ко свѣту совершенства,
И Вышній споспѣшилъ стремленію сему.
Напрасно темные, всезлобны силы ада,
Перунъ и Чернобогъ, и Позвиздъ и Уладъ,
Купало, Волось, Ній, и Дажбо, Зничъ и Лада,
Претягъ его стопамъ несчетностью преградъ.
Живый на небесахъ смѣется ихъ совѣтамъ,
Даетъ Владимиру непобѣдиму мощь,
Душей противостать лукавымъ ихъ навѣтамъ,
И свѣять мрачную съ лица Россіи ночь:
Упали капища; рассыпались кумиры;
И храмы Вѣчному возносятся до звѣздъ:
Уже, Отецъ щедротъ! Россіяне не сиры —
Ликуй, ликуй, Андрей! процвѣль твой ветхій крестъ. —
Уже, сидѣвшая во тьмѣ и сѣни смертной,
Узрѣла велій свѣтъ полночная страна;
И свышней правдою, и вѣрою усердной,
Какъ солнцемъ съ высоты до днесь озарена.
Но что я вижу тамъ? Коль страшные позоры!
Жилище вѣчныхъ золь! болѣзней, стоновъ, сквернъ!
Метется духъ во мнѣ, мои темнѣютъ взоры,
Главы моей власы исправились какъ тернъ!
Здѣсь муки вѣчныя — и вѣчно нѣтъ надежды —
Грызутъ рабовъ грѣха, Всещедрого враговъ,

Имъ совѣсть вѣчный бичъ; увы! сокроемъ вѣжды;
Бѣжимъ узилица душъ злобныхъ и духовъ.
И се! оставивъ мѣръ, взываюся за тобою,
Быстрѣ времени, превыше звѣздъ парю,
Уже зрю Божій градъ отверзтый предъ собою,
Падемъ со страхомъ ницъ, поклонимся Царю —
Здѣсь миру, радости, блаженству – вѣчность мѣра;
Я въ ликѣ Ангеловъ! на жизнь раждаюся вновь!
Зрю славу Божию! прешла, минула вѣра,
Здѣсь царствуетъ одна безсмертная любовь!
Не то ли чувствую, чего отнюдь, отъ вѣка,
Ни око видѣло, ниже услышалъ слухъ,
Ниже когда возшло на сердце человѣка?
Помедлимъ здѣсь; но ахъ! незрѣль, незрѣль мой духъ!
Такъ ты и разумомъ и словомъ плодovitый,
Такъ мною властвуешь, божественный пѣвецъ!
И я твоей хвалою еще, еще несытый,
Бѣзъ пользы силюся сплести тебѣ вѣнецъ,
Въ тебѣ Омира чтя и вѣщаго Бояна.
Спасенный Новоградъ, и Кадмъ и Полидоръ,
За счастьемъ Путники, Чесма, Бакхаріяна,
Твой свѣтъ отъ запада плѣняютъ умный взоръ,
Дерзаю наконецъ, гнушаяся притворства,
Присвоить въ сихъ стихахъ прекрасныя слова:
Прекрасны правдою, игрою стихотворства,
О коихъ не молчитъ хвалящая молва:
„Пускай отъ зависти сердца въ Зоилахъ ноютъ,
Хераскову они вреда не нанесутъ;
Владимиръ, Іоаннъ, щитомъ его покроютъ,
И въ храмъ безсмѣртія съ собою проведутъ.”
Такъ солнцы умные, витійствомъ свѣтозарны,
Предали намъ свой блескъ, и каждый день и часъ
Гремятъ имъ похвалы и плески благодарны,
Но ихъ самихъ, увы! сокрыла смерть отъ насъ.
Еще единое сіяетъ предъ очами,
Приноситъ небу честь, и красоту землѣ,
И полночь всю златитъ всесвѣтлыми лучами;
Къ сему единому простремъ свои крилѣ:
Пѣвцевъ Россійскихъ вождь, Державинъ досточестный!

Неподражаемый, и вѣчный имъ примѣръ,
Пиндару громкому созвучный и совмѣстный,
Парящій мыслями, и хвальный паче мѣръ
Чудесной смѣлостью извитій словъ чудесныхъ,
Довольный самъ себѣ для славы своея,
Не шедшій съ лирою среди путей извѣстныхъ,
Но самъ ихъ проложилъ — и шумъ отъ струнъ ея,
Какъ эхо по лѣсамъ грохочетъ по вселенной,
Разносить сладости и сердцу и уму!
Позволь душѣ моей, твоимъ изрядствомъ плѣнной,
Коснуться пѣсню таланту твоему.
Непостижимаго постигнувъ вѣрой правой,
Того, кто все что есть, создалъ изъ ничего,
Возжень и восхищенъ Его всемѣстной славой,
Ты извитійствовалъ Божественность Его;
Смятенъ и удивленъ Всевышняго дѣлами,
Возносишься горѣ, восторгомъ восперенъ,
Ширяешься межъ звѣздъ ефирными крилами,
И духомъ мудрости обильно умудренъ,
Восходишь до Творца по лѣствицѣ твореній,
Въ безмѣрной разности теряешься умомъ,
И льешь потоки слезъ, какъ дань благодареній.
Такъ чудо Божества, явивъ въ себѣ самомъ,
Въ сердечной простотѣ бесѣдуешь о Богѣ.
Или отъ высоты низпрянувъ долу къ намъ,
Фелицу ты поешь въ забавномъ Рускомъ слогѣ,
И добродѣтели ея гласишь странамъ,
Позоришь буйные безумцевъ сильныхъ нравы,
И образомъ ихъ дѣлъ самихъ ввергая въ стыдъ,
Отъемлешь правдою у роскоши отравы.
Или съ Рафаеломъ Фелицы пишешь видъ;
Роскошной кистию, горящими чертами,
Представя видъ ея какъ солнце, какъ луну,
Представилъ въ ней вѣкамъ, лучашу красотами,
Богopodobную, великую жену,
Предъ волей Вышняго смиренну и покорну,
Творящу правый судъ какъ древле Соломонъ,
И злобнымъ и благимъ какъ небо благотворну,
Дающу подданнымъ на совѣсти законъ,

Повсюду и всегда доступную народу,
Ліющу на него премудрости лучи,
Плѣняющу рабовъ въ сыновнюю свободу,
Подвижную во дни, недремлющу въ ночи,
Во всѣхъ ея дѣлахъ единственну Фелицу,
Небесну Истину и Благость во плоти,
Примѣръ Царямъ земнымъ, и Россовъ ту Царицу,
Какой ни днесъ, ни впредъ, во вѣки не найти
Ни въ царствахъ Запада, ниже въ странахъ Востока,
Ни въ мразномъ Сѣверѣ, ниже гдѣ дышетъ Югъ;
Толико всѣмъ добра, и нѣтъ въ ней, нѣтъ порока,
На тронѣ чловѣкъ, и чловѣковъ другъ.
И се! она грядетъ на подвиги геройски:
Какъ мать отечества — своихъ спасаетъ чадъ,
Какъ царствъ Владычица — на гордость движетъ войски,
Какъ дщерь Всесильнаго — свергаетъ злобу въ адъ.
Ея къ вельможамъ гласъ — гласъ правды въ горнемъ мірѣ,
Молитва къ Вѣчному — вѣнецъ ея изрядствъ;
Но мнѣ ли за тобой успѣть на слабой лирѣ
Сочестъ сокровище души ея богатствъ?
Начнешь ли воспѣвать полки орловъ побѣдны?
Уже они летятъ разрушить Измаиль,
Гдѣ дышутъ пламенемъ, и ржатъ драконы мѣдны,
Гдѣ тысячи и тьмы враждебныхъ лютыхъ силъ
Срѣтаютъ ихъ войной — и тысящами и тьмами
Ужасныхъ, пагубныхъ, болѣзненныхъ смертей;
Какъ градомъ сыплютъ въ нихъ несчетными громами;
Но лъзя ли устрашить безстрашія дѣтей?
Предъ Росскимъ мужествомъ разсыпались твердыни,
Упалъ, упалъ полмертвѣ, высоковыинный градъ,
Стамбуль потупилъ взоръ, поникнулъ отъ гордыни,
Петрополь восплескалъ — и слава Росскихъ чадъ
Исполнила собой страны земли далеки;
Но пѣсню твоей, сей грозный славы шумъ,
Гремя отъ рода въ родъ не умолчитъ во вѣки,
И будетъ восхищать великихъ смертныхъ умъ.
Но се! ты мещешь взглядъ во мракъ години злыя,
И зришь тѣ страшныя, сердиты времена,
Когда бичемъ Татаръ терзалася Россія,

Когда раздорами снѣдалася она:
Лежить въ печали Россѣ, какъ темна ночь въ пустынь,
Добыча лютыхъ змѣй и гадовъ безъ числа,
Лежить окованъ вкругъ на тернистой долинь,
И засыпаетъ въ смерть подъ смертнымъ игомъ зла.
Кто, кто его спасетъ отъ пагубы толикой!
Уже изсякла вся геройская въ немъ кровь!
Но Богъ къ нему призрѣль — и духъ его великой
Прославилъ, увѣнчалъ къ отечеству любовь:
Восталъ великій Россѣ, какъ холмъ изъ мглы тумановъ,
Пошелъ — и кто противъ? Онъ орды пхнулъ ногой,
Своею цѣпью сковалъ своихъ тирановъ,
Европѣ далъ законъ, вселенной всей покой.
Когда ты съ грустію сидишь у водопада,
Гдѣ сыплется съ высотъ алмазная гора,
Гдѣ вѣетъ на тебя весенняя прохлада,
Гдѣ бездна подъ тобой жемчугу и сребра,
И вкругъ себя собравъ пустынны, мрачны виды,
Угодные тоскѣ и горести прямой,
Ты плачешь ранню смерть смирителя Тавриды,
Который дивомъ былъ и храбрости самой,
Который взвѣситъ смѣль и духъ ЕКАТЕРИНЫ,
И сильну Росса мощь — и опершись на нихъ,
Хотѣлъ вознестъ ихъ громъ на тѣ, на тѣ стремнины,
Съ которыхъ древній Римъ трясъ твердость царствъ земныхъ.
О какъ искусенъ ты унылой лиры звономъ
И духъ нашъ умилишь, и прослезить нашъ взоръ,
И сердце окрушить, и грудь наполнить стономъ!
Къ земному счастью посѣять въ насъ презоръ,
Представивъ счастья ничтожество и бренность,
И краткость жизни сей, текущей какъ потокъ;
Какъ громомъ съ высоты смиряешь въ прахъ надменность,
Являя сильнаго со слабымъ общій рокъ.
Или съ Суворовымъ, богатыремъ полнощнымъ,
Предъ коимъ молніи сверкаютъ изъ очей,
Шумящимъ бранію, безстрашнымъ, быстрымъ, мощнымъ
Стремящимся какъ вихрь противъ стѣны мечей,
Геройствомъ дышущій, летишь на сопостатовъ,
Какъ буря грозная, предъ коей дрогнетъ свѣтъ,

Ударилъ мѣстію въ бунтующихъ Сарматовъ,
И царство ихъ прешло — и имени ихъ нѣтъ!
Или по высотѣ, скрываясь въ тучахъ черныхъ,
Съ симъ Витяземъ парить поверьхъ Алпійскихъ горъ,
Карать цареубійца, чудовищей безвѣрныхъ,
Отъ челоуѣчества отъять студа укоръ;
По безднамъ, крутизнамъ, и дебрямъ непреходнымъ,
Гдѣ съ многой трудностью чуть вѣтры могутъ дуть,
Несомый вѣроу и мужествомъ природнымъ,
Россъ храбрый за вождемъ течетъ опасный путь.
Напрасно злой Гигантъ, какъ нѣкая громада,
Предъ храбрымъ востаетъ на трудномъ семъ пути,
Главою до небесъ, ногой касаясь ада,
Претить, какъ адскій стражъ, ко святости итти:
Снѣгъ вѣчный на челѣ, и съ ребръ стремятся рѣки,
Ни буря, ни гроза, его не двигнетъ вѣкъ,
Стоить угрюмъ какъ ночь; предъ нимъ мелькаютъ вѣки;
Но Россъ, презрѣвъ бѣды, какъ вихрь его претекъ:
На каждомъ шагѣ адъ срѣтая предъ собою,
И тысящми враговъ въ разсѣлинахъ боримъ,
На Альпы наступилъ Атлантскою стопою,
И Альпы зыбнулись и треснули подъ нимъ.
Какъ сильный, смѣлый левъ уловленный въ засаду,
Отторженъ отъ своихъ, любимыхъ имъ дѣтей,
Дерзаетъ съ яростью на всякую преграду,
Бросая огонь изъ глазъ, бѣжитъ на тьмы смертей,
Такъ Россъ, и Росса вождь, разрушивъ всѣ препоны,
Пронесши свой перунъ до Галліи дверей,
Рукой своей прикрылъ небесные законы,
На троны воцарилъ низверженныхъ царей,
Побѣдой возгремѣлъ надъ злыми царствъ бичами,
Святыню защитилъ отъ ихъ разженныхъ стрѣлъ,
И небо поддержалъ могущими плечами,
И славу отъ небесъ Россіи пріобрѣлъ.
Такъ ты, пѣвецъ побѣдъ! бія въ живыя струны,
Съ побѣдой носишься за сѣвернымъ орломъ;
Его ужасные подземной всей перуны,
Безсмертными творишь — и славы вашей громъ
Раздастся въ вѣчности, какъ гулъ воздушныхъ споровъ,

Прокатится, пройдетъ, промчится, прозвучитъ:
Кто были на земли Державинъ и Суворовъ,
Одинъ — Россіи Бардъ; другой — Россіи щитъ.
Чѣмъ далѣ я теку по поприщу хваленій,
Тѣмъ паче множится чудесъ твоихъ соборъ,
Тѣмъ больше видится чудеснѣйшихъ явленій.
Но се! какой призракъ страшитъ мой духъ и взоръ?
Зрю смерть: глядитъ на всѣхъ — и на царей всевластныхъ,
На силу и умы, на прелесть и красы,
На царства цѣлыя, на сонмы звѣздъ прекрасныхъ,
И точитъ лезвее побѣдныя косы.
Но ты разрушивъ самъ насильство смерти звѣрской,
И многихъ одарилъ годами безъ числа;
Тобою Бибиковъ, Орловъ, Репнинъ, Мещерской,
Когда привѣтствуешь дитя порфирородно,
Для блага сѣвера вступающее въ міръ,
Мечтаніе твое, живительно, всеплодно,
Велитъ природѣ всей ему устроить пиръ:
Растаяла зима, сокрылася лихая,
Земля красуется лишась своей коры,
Весна къ нему спѣшитъ зефирами дыхая,
И небо на него посыпало дары.
Съ какою силою ты ратуешь коварства?
Съ какою смѣлостью выводилъ всѣмъ въ посмѣхъ
Лишенное заслугъ надменное боярство?
Шутя надъ счастіемъ, смѣшилъ и учишь всѣхъ.
Когда посланіе слагаешь ты къ сосѣду,
Вмѣщаешь съ шуткою и строгость мудреца;
Когда зовешь друзей къ непышному обѣду,
Вливаешь простоту, умѣренность въ сердца;
Какими правдами ты наполнишь душу нашу
Когда цѣнишь себя смотря на свой кумиръ?
Подносишь ближнему веселій чистыхъ чашу,
Когда пируешь ты при звукакъ сладкихъ лиръ.
Когда же ты поешь безсмертіе словесныхъ,
Во грудь Безбожія вонзаешь острый мечъ;
Родъ смертныхъ видится въ лучахъ изрядствъ небесныхъ,
И ты безсмертнѣе — коль смѣю такъ изречь.
О какъ пылаю я, согласно Россовъ плеску

Гремящему тебѣ, воспѣть твои плоды!
Но гласъ мой утомленъ — и отъ избытка блеску
Мерцаетъ зрѣніе — вотще мои труды.
Не смѣю льстить себя надеждой любочестной
Что славы твоя хоть лучъ вмѣстилъ въ себѣ.
Лишь словомъ истинны пророческой, безлестной,
Спѣшу провозвѣстить, провозгласить тебѣ:
„Ты памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный,
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ:
Ни вихрь его, ни громъ, не сломитъ быстротечный,
И времени полетъ его не сокрушитъ.
Достойно возгордись заслугой справедливой,
И презрять кто тебя, ты самъ тѣхъ презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.

Какою радостью и теплотой сердечной,
Я слухомъ черпаю глаголы жизни вѣчной,
Пію съ веселіемъ сладчайшій вѣры свѣтъ.
О вы подвижники, распявшіеся міру,
Грядущи въ тѣсный путь подъ бременемъ креста,
Душевной чистотой подобные эфиру,
Которыхъ щедрья и кроткія уста
Льютъ знанія струи, и вѣденія рѣки,
И укрѣпляютъ насъ на страшну съ міромъ брань,
Земные Ангелы, небесны человекѣ,
Примите отъ меня усерднѣйшую дань,
Ты перъвый, Θεофанъ! достойный проповѣдникъ
Святыни, мудрости, и благодати Творца!
Великаго въ царяхъ сотрудинокъ, собесѣдникъ,
Хвалитель ревностный отечества отца,
Столпъ благочестія, защитникъ вѣры правой.
И сердцемъ и душой нельстивый богочецъ,
Боритель ереси безумной и лукавой,
Высокій богословъ, витійства образецъ!
Звѣнѣть, звѣнѣть намъ въ слухъ слова твои драгія,
Слова, чистѣйшія разженнаго сребра;
Сугубо чрезъ тебя свѣтлѣется Россія,
Любовью къ Вышнему и славою ПЕТРА.
Благословись и ты, Платонъ благоязычный!

Учитель истинны, наставникъ дѣлъ святыхъ,
И духа высотой, и разумомъ отличный
Въ соборѣ пастырей, между свѣтилъ златыхъ!
Ты книгу Божию разнулъ предъ наши очи,
Сіе яснѣйшее зеркало Еожества,
Да мраки оттрясемъ грѣховной мрачной ночи,
И вновь пріимемъ видъ благаго Существа.
Хвала немолчная пребуди вѣчно съ вами,
Премудрый Гедеонъ! премудрый Самуиль!
Которыхъ сильными, разумными словами,
Къ блаженству насъ зоветъ Богъ разумовъ и силъ.

Повѣдавъ имена Россіянъ незабвенныхъ,
Которымъ въ похвалу восплещеть земный кругъ,
Къ словеснымъ подвигамъ природой вдохновенныхъ,
Тѣбя ли премолчу, наставникъ мой и другъ!
Дѣлами разума въ потомствѣ досточтимый,
Почтеннѣйшій Шишковъ! по чувствамъ сердца Россъ!
Языка Рускаго оплотъ неборимый!
Тобою сей языкъ прекраснѣе возросъ;
Отъ тернія вокругъ освобожденъ тобою,
Онъ вѣтви новыя далеко пронзнесъ,
И новою своей хвалящейся судьбою,
Плодами испещренъ восходитъ до небесъ.
Ты важность мудреца скрывая простотою,
Съ невиннымъ возрастомъ играя и шутя,
Вселяешь умъ въ него съ душевной чистотою;
Чтобъ умудрить дѣтей, самъ кажешься дитя.
Нѣжнѣйшей юности даришь честные нравы,
Любовь, любовь къ добру, и ненависть ко злу;
Искусно сочетаваъ уроки и забавы,
Изъ устъ младенческихъ свершилъ себѣ хвалу.
Незлюбные сердца, вмѣстивъ твои совѣты,
Премудрость обрѣтутъ, спасутся отъ страстей,
Которыхъ въ мірѣ семъ безчисленны навѣты,
Какъ серна отъ тенеть, какъ птица отъ сѣтей.
Отцы и матери, и вся Россія съ ними,
Смотря на доблести своихъ любезныхъ чадъ,
Твоею благостью содѣланныхъ благими,
Возносятъ твой талантъ, на верьхъ честей, наградъ.

Доколѣ сладостна Россіи добродѣтель,
Потомки будутъ чтить и чтить хвалу твою;
Какъ сынъ отечества, грядущихъ бѣдъ свидѣтель,
Ты перъвый поразилъ стоголавою змію,
Дерзнувшую точишь отравы ядовиты
На нравы чистые, на чистый нашъ языкъ;
И ковы злобные, коварствами увиты,
Испытной мудростью постигнулъ и проникъ.
Разсудкомъ, остротой, ученостью обильный,
Искусень ты цѣнить словесный всякій трудъ;
Читатель строгій книгъ, во всякихъ книгахъ сильный,
Ты смѣло судишь ихъ, и праведень твой судъ;
Стыдишься ты ловить плывущи сверху плевы,
Но перлы достаешь ныряя въ глубины.
Умовъ блуждающихъ въ ничто вмѣняя гнѣвы,
Ты правдой обличилъ нелѣпость новизны;
И слову Росскому во храмъ всемірной славы,
И къ лавру вѣчному Россіянамъ самимъ,
Ты уготовилъ путь, стези содѣлалъ правы,
И Зависть раздражилъ достоинствомъ своимъ.
Но презри навсегда хулы ея безмѣстность;
Твой подвигъ ревностный, безсмертный въ родъ и родъ,
Вѣнчала въ сихъ стѣнахъ Россійская словесность.
Хвались и торжествуй вкушая славы плодъ,
Потомству позднему предстань во блескѣ новомъ,
И Россовъ къ доблести склоняя вновь и вновь,
Вдыхай въ нихъ пламеннымъ, отечественнымъ словомъ,
Неугасимую къ отечеству любовь.

Еще я многихъ зрю въ чертогѣ семъ священномъ,
О коихъ вѣчности словесность возгласить,
Достойныхъ возсіять въ потомствѣ просвѣщенномъ.
Овидій, Фенелонъ, Бартелеми, Тацитъ,
Явились севѣру во славу обновленной,
Отселѣ новое пріяли бытіе;
Отселѣ многіе, въ Россіи удивленной,
Подъ солнцемъ утвердятъ безсмертіе свое;
Витіи громкіе! пѣвцы высокопарны!
Я жажду васъ воспѣть. — Но ларъ мой оскудѣлъ;
Нѣмѣютъ и уста и струны благодарны;

Да будетъ вамъ хвала изрядство вашихъ дѣлъ:
И я ли вашему избраннѣйшему лику,
Едва настроивъ гласъ, толь рано сопричтень?
Вчинень въ служеніе Россійскому языку,
И туне честію толикою почтень?
Ищу — но тщетно — словъ, душевнымъ чувствамъ равныхъ;
Блаженнымъ чту себя, что въ юности своей
Сподобился имѣть наставниковъ толь славныхъ
Ліющихъ отъ себя лучи Россіи всей.
Ревнуня вашему прехвальному примѣру,
И мудрости отъ васъ заимствуя струи,
Исполнить поспѣшу надежды вашей мѣру,
Воздѣлать слабыя способности мои:
Да я, обоготясь богатствомъ вашихъ знаній,
И вами въ таинствахъ витійства вразумлень,
И вами умудренъ въ сужденіи писаній,
Явлюся наконецъ достойный вамъ сочлень.
